

Не все потеряно

Протесты, кризис, борьба за власть. Почему слабеет режим в Иране и что прямо сейчас может сделать Европа?

В Иране снова протестуют, требуя свержения Исламской Республики, и не зря. Причинами таких действий населения являются десятилетия притеснений, постоянные нарушения прав человека и экономическая политика, заставляющая миллионы людей жить в бедности. Все это приводит к злобе и отчаянию.

Быстрое падение курса национальной валюты, еще больше осложнившее и без того нестабильное положение, стало непосредственной экономической предпосылкой протестов. Как и раньше, корни недовольства уходят глубже. Дело здесь не только в экономических проблемах, но и в самой системе, которую многие иранцы считают неспособной противостоять ключевым вызовам, стоящим перед страной.

Кризисы и беды повсеместны. Экологические катастрофы уже стали частью повседневной жизни и не обходят даже мегаполисы. Там, в частности, в течение нескольких месяцев ощущалась острая нехватка воды. Малейшая активность, как гражданская, так и политическая, подавляется репрессиями, которые становятся все более жесткими. Только в прошлом году вдвое возросло количество казней. К этому можно добавить внешнеполитический курс, который недавно стал причиной первого прямого удара по территории страны после завершения ирано-иракской войны в 1988 году и заставил многих иранцев подозревать, что это, возможно, новая волна эскалации.

В этом смысле протесты, которые сейчас продолжаются, являются продолжением протестов прошлых лет, последними из которых была волна протестов 2022 года, известная под лозунгом «Женщина, жизнь, свобода». С 2017 года это четвертая волна массовых протестов, что свидетельствует об одном: с каждым новым протестом требование свержения Исламской Республики высказывается все четче и решительнее. Отсутствие веры в способность системы проводить реформы и, как следствие, отказ от

самого режима стали ключевыми признаками общественной динамики в стране.

Отсутствие веры в способность системы проводить реформы и, как следствие, отказ от самого режима стали ключевыми признаками общественной динамики в стране

Примечательно, однако, что отсутствие веры уже давно наблюдается не только среди населения. Представители режима публично выражают сомнения относительно собственной способности действовать. Из-за недавнего кризиса с водоснабжением президент Масуд Пезешкиан, которого когда-то избрали за его желание проводить реформы, признал свою беспомощность. Он признался, что бессилен, и просил за это не проклинать.

Политическая элита Ирана, по крайней мере со времен войны с Израилем в июне прошлого года, выглядит парализованной. Пока внутренние протесты ставят под сомнение существование Исламской Республики, во внешней политике рушатся столпы, на которых долгое время держалась иранская доктрина безопасности, а именно: сеть ополченцев в регионе, программы производства и применения ракет и дронов, скрытая угроза ядерного вооружения. В июне впервые стало очевидно, что прежняя концепция сдерживания утратила свою эффективность.

Эти события серьезно пошатнули режим. Теперь, когда государство нуждается в серьезных стратегических решениях, лидер Али Хаменеи кажется слабым как политически, так и физически. Он явно не способен принимать решения. Вместо этого борьба за власть среди политической элиты режима только усиливается. При этом речь идет не столько о краткосрочных изменениях политического курса, сколько о позиционировании в контексте ожидаемой преемственности лидера.

Представители разных лагерей пытаются занять как можно более влиятельную позицию, что сейчас приводит к самоблокировке и усиливает впечатление о системе, которая стала несостоятельной как внутри, так и снаружи. Пока на улицах многих городов звучат требования положить конец режиму, его политика, кроме формальных объявлений о реформах, сосредоточена на внутренней борьбе за власть.

На протяжении многих лет режим совершенствовал инструменты подавления протестов, привлекая специальные полицейские подразделения для борьбы с беспорядками и используя

целенаправленную поляризацию протестного движения, отключение интернета, сбор персональных данных, показательные процессы или казни. Во время нынешних протестов уже через несколько дней были убиты десятки и арестованы тысячи протестующих. Постоянное совершенствование репрессивных методов резко контрастирует с очевидной неспособностью режима предложить решение многочисленных причин общественного недовольства.

*Несмотря на все
обстоятельства, режим
до сих пор держится, и
нет никаких признаков
того, что государство
потеряет монополию на
применение силы*

Несмотря на все вышеупомянутые обстоятельства, режим до сих пор держится, и нет никаких признаков того, что государство потеряет монополию на применение силы или что в силовых структурах возникнут серьезные разногласия. Это, во-первых, связано с тем, что сами протесты, хотя и демонстрируют недовольство широких слоев населения, пока остаются ограниченными по количеству и до сих пор меньше по масштабам, чем восстания прошлых лет. Во-вторых, протестующим, как и раньше, не хватает организации и четкого руководства.

Попытки преодолеть эту пропасть, заручившись помощью деятелей в изгнании, до сих пор были тщетными. На протяжении десятилетий иранская диаспора пыталась сформировать политический проект, который мог бы получить значительное влияние и реальную способность к действиям, но все напрасно. Будущее Ирана должен определять сам народ – это тезис, который часто повторяют и который вполне понятен. Но, к сожалению, последствий это не имеет. Протестующие в реальности сталкиваются с неравной борьбой против сверхмощного репрессивного аппарата.

Именно здесь мы видим политическую возможность для Германии и Европы. Если европейские политики стремятся оказать иранскому протестному движению конкретную поддержку, выходящую за рамки банальных заявлений о солидарности, для этого существует несколько подходов. Главным инструментом является поддержка свободы интернета. Доступ к независимой информации и безопасному общению столь же важен для протестующих, как и для сетевого взаимодействия гражданского общества. Интернет – это катализатор, который делает возможной политическую и общественную активность.

Германия и страны Европы не только в этом смысле имеют шанс

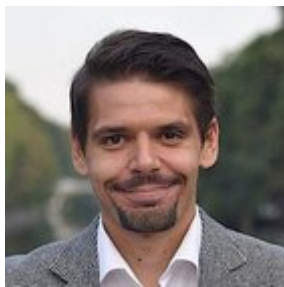
заполнить лакуну, которую оставили США под руководством Дональда Трампа. На протяжении десятилетий американские программы поддерживали множество инициатив гражданского общества – от проектов для женщин до программ в поддержку прав меньшинств. Ликвидация этих программ создала вакуум, что стало насущной проблемой для Ирана. Систематическое и юридически обоснованное документирование случаев нарушения прав человека и насилия со стороны государства для привлечения виновных к ответственности является еще одним важным аспектом. Соответствующие инициативы, как, например, *миссия ООН по установлению фактов*, могут быть усилены и расширены.

Кроме того, чрезвычайно важно защищать иранских активистов и диссидентов за рубежом, требуя прекратить запугивание, слежку и угрозы со стороны иранских властей. Эта форма транснациональных репрессий не должна рассматриваться как второстепенное явление, а требует скоординированной реакции со стороны правоохранительных органов и органов безопасности.

Можно было бы расширить гуманитарные визы, ускорить процедуры в посольстве в Тегеране и приостановить депортации из Германии. Именно для активистов, журналистов и защитников прав человека, которые находятся под угрозой, такие инструменты были бы конкретным сигналом того, что европейская политика в области прав человека не ограничивается одними заявлениями. Только немедленное прекращение депортаций может предотвратить возвращение людей в среду, где их ждут политические преследования, тюремное заключение или что-то похуже.

В краткосрочной перспективе такие меры вряд ли станут решающим прорывом. Тот, кто считает, что импульсы извне могут стать причиной политических изменений в Иране, ошибается. Но они все равно ценны, ведь могут укрепить иранское гражданское общество, расширить его возможности и предоставить средства для самостоятельного продвижения изменений. Часто эти изменения медленные и происходят в самых сложных условиях, но настойчивость не приходит извне. В этой тихой силе, возможно, заключается единственная реалистичная надежда на устойчивые изменения.

Если режим и на этот раз останется у власти, ситуация в стране продолжит обостряться. Со временем смерть 86-летнего лидера станет поворотным моментом в политическом развитии Ирана. Европа остается второстепенным действующим лицом, но ее возможности больше, чем может показаться на первый взгляд.

Давид Рамин Джалилванд

Берлин

Д-р Давид Рамин Джалилванд (David Ramin Jalilvand) – независимый консультант по вопросам энергополитики на Среднем Востоке, он также консультирует проект Фонда им. Фридриха Эберта по иранской проблематике, руководителем которого был в отделе Фонда «Ближний Восток и Северная Африка» в Берлине.

